

Кто сеет ветер

Анна Хорват

Кто сеет ветер

«Автор»

2026

Хорват А.

Кто сеет ветер / А. Хорват — «Автор», 2026

Государство N построило мир, где уродство считается грехом, а красота — доказательством чистоты. Здесь богатые покупают новые лица, ненужных детей подменяют в колыбелях, а власть годами скрывает собственную грязь. Когда бывшего обменщика Троя Рамона находит странная девушка по имени Селин — беловолосая сирота, утверждающая, что ищет ребёнка из приюта, — он неохотно соглашается помочь ей. Но поиски быстро превращаются в путешествие сквозь тайны элиты, террористов, подпольных архивов и событий двадцатилетней давности, связанных с Первым Сенатором. Пока страна медленно скатывается к революции, Селин становится символом для тысяч людей — и живым доказательством того, что сама реальность может быть ошибкой. Потому что много лет назад один человек уже нарушил законы времени, спасая ребёнка, который не должен был выжить.

© Хорват А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мэйдей	5
Инт	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анна Хорват

Кто сеет ветер

Глава 1. Мэйдей

*Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю.
Книга пророка Осии, гл. 8, ст. 7*

*Борьба против случайности — всегда борьба против нас самих,
борьба, в которой мы никогда не можем стать победителями.
Франц Кафка*

*Держитесь Тропы. Никогда не сходите с нее!
<i>Рей Бредбери, «И грянул гром»</i>*

Ты высекаешь искры, а потом спасаешься от пламени. Я никогда не верил в богов. Но я поверил в тебя.

Одна, вторая, третья. Хватило бы одной, будь здесь всё, как у людей. Барабан крутился с треском, но легко. За оружием он следил лучше, чем за собой — недельная щетина, на голове беспорядок, впрочем, по сравнению с тем, что в самой голове — это мелочи. Щелчок и готово.

С его места хорошо было видно окно. За ним дождь капал с карниза в пластиковые ящики для цветов: вода вперемишку с окурками — это единственное, что в них зацветёт. Он находил это мерзко-ироничным. Дома здесь были обшарпанные, жмущиеся к друг другу, со сквозящим из трещин в бетоне фундамента бессмысленным ужасом. И люди здесь примерно такие же — пахнут одеколоном, но скорее потому что пьют его, а не потому что наносят на запястья. В лужах переливались радужные пятна бензина. И всё же в таком же ящике для цветов у окна напротив его распустились тюльпаны и маргаритки. Выше по улице на стене дома красовался мурал с экзотическими птицами — местные детишки постарались.

В куче бумаг на столе Рей Мёрфи снисходительно улыбался, вешая ему с буклета клиники с удушливой настойчивостью, что «Красота идёт изнутри». Под ним буклет христианской общины убеждал, что «Если же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего... то... пошлет Господь на тебя моровую язву...¹». Ещё ниже — афиша Лира о новом туре по городам страны и идеально-андрогинное, вечно юное лицо.

Он притягивал эту макулатуру, наверное, потому что весь оброс шрамами, как треснувшая кружка. Сломанные вещи не несут ничего хорошего. Выкинь их, они не идут идеальному фарфору в серванте. Переработке не подлежит. Таких, как он скапливались целые мусорные полигоны на окраинах.

Соседка через три двери позвала Дэниэла ужинать так же, как и каждый вечер до этого. Из них уже триста пятьдесят четыре Дэниэл лежал на центральном кладбище города.

Весь мир сжался до размера маленькой чёрной точки перед лицом. Не освещённый тоннель дула револьвера без намёка на свет в конце. «Не высекай искр, если не готов бороться с огнём», — говорила ему Маккриди, выпуская едкое, не отстирывающееся с одежды облако дыма. Он тогда не курил, потому что вредно. Сейчас не курит, потому что не помогает. Бороться он был готов всегда, снова сбивая грубую корку вчерашней крови на костяшках. Но есть вещи, с

которыми невозможно бороться или с которыми не хочешь. Даже если это одна и та же вещь, всё закончится в тёмном тоннеле с билетом в одну сторону.

В какой момент это показалось ему хорошей идеей? Красочный узор раскрасит стену позади, если камора случайно окажется полной. А пришедшие по вызову соседей полицейские увидят в этих кляксах Роршаха бабочку и медведей на фонтане. Коронер будет молодая симпатичная девушка. Недостаточно симпатичная, чтобы стать окружным прокурором. Возможно, того же возраста, что мог быть тот ребёнок. За секунду до выстрела он успевает придумать себе мир, в котором его уже не будет. Щелчок взведённого курка с хирургической точностью разрезает всё на «до» и «после».

Ствол у подбородка. Не у виска. Хочешь мгновенной смерти — стреляй в первый шейный позвонок. Всё затихает. Палец на спусковом крючке.

Резкий стук. Мысли налетели друг на друга. Ртутными шариками разбежались в стороны. Он напрягся от этого звука сильнее, чем от приставленного к лицу пистолета. Тишина сжалась по углам, а потом снова рассеялась по комнате. Показалось?

Стук повторился. Ствол револьвера уже успел нагреться от его кожи. Он прикинул возможные варианты. Они все заканчивались бурей, что разнесёт его и без того мало устойчивый домик.

— Эй! Я знаю, что вы там! — Для волка у двери голос по ту сторону был слишком тонкий.

Он опустил пистолет, но замер над открытым ящиком стола на миг. Это не рычание, а скорее скулёр, но меры предосторожности не бывают лишними. Он сунул револьвер за ремень за спиной. Девчонка — а там несомненно девчонка — продолжала стучать. Настырная.

— Я ищу человека по имени Трой Рамон!

Он дёрнулся. Ещё бы из рупора прокричала ему всю дверь, ей богу! В таких местах, как этот все держатся у стен, как тени. Никаких лиц и уж тем более никаких имён. Он вскочил, дёрнул дверь так резко, что обладатель голоса по ту сторону даже не успел опустить руки.

— Какого?..

И вправду девчонка. Макушкой могла бы упереться ему в подбородок. Она вздрогнула, будто колыхаясь от потока спёртого воздуха.

— Мистер Рамон?

Сквозь щель между косяком и дверью её едва было видно. Лампочек на длинный коридор всего две, а у неё тень от большого капюшона толстовки почти касалась губ. Небольших, но ровно очерченных, едва розоватых. Такие вписывались во всё, кроме здешней обстановки. Девочки с такими губами светятся в рамках телевизора, вещая о Большой Войне, о миграционном кризисе в известных странах и том, как экоактивисты разбили очередную двухсотлетнюю статую.

— Передайте «Переодике», что его здесь нет.

— Что? — Она едва подняла голову, тень отползла назад, обнажая ровный нос. Какая-то она слишком ровная. — Нет, вы не поняли. Я не журналистка. Мне сказали, я могу найти его здесь.

— Вас обманули.

Он стал терять терпение. Она заметила это за секунду до толчка двери.

— Нет! Стойте!

Замок не успел щёлкнуть, вместо него Трой услышал пискливое «Ай!». Она успела просунуть руку в проём. Дверь зажала кисть. Запястье, что виднелось из-под рукава, тонкое и светлое: кажется, надави он чуть сильнее, и рука посыпется фарфоровыми осколками ему на порог. Между пальцев торчал листок сложенный вдвое.

— Что это?

Он чуть отступил, отпустил дверь и дал девчонке возможность вытянуть руку. Краем глаза заметил, что она старалась не дуть губы, чтобы не спугнуть добычу. Только бесшумно

полировала запястье пальцами другой руки, чтоб унять боль. На листке не было ничего, кроме нескольких слов.

И вдруг тоннель револьверного дула показался детской сказкой. Трой почувствовал очень ясно, что не может ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он обледел в огромном белом поле из белого листа бумаги с начерченными на нём знаками свыше.

«Луна в Перегее приносит неприятности»

— Теперь вы поговорите со мной? — Спросила она так спокойно, словно не было в этом ничего страшного, и Трой снова вспомнил, что она ещё тут.

У него в голове переключился какой-то тумблер. Громко и с щелчком похожим на щелчок предохранителя на револьвере. Он схватил девчонку за воротник и рывком втащил в свой мир четыре на четыре. Она не успела даже возмутиться. Секунда и она уже лопатками подпирала захлопнутую за спиной дверь, чувствуя даже сквозь ткань толстовки тяжесть и холод револьвера, упирающегося куда-то правее печени.

— Кто ты, нахрен, такая? — Захрипел он.

Бог знает, какие ответы он мог бы получить. Но Троя не волновали боги, только люди из плоти и крови, а особенно те, что любят играть в богов. Те, что несколько лет идут по его следу, как бы сильно он не старался его замечать, сжигать мосты и путать улики. Те, кто порицал его прошлое в золотом ангельском свечении студийного освещения: «Обменщики — это позорное клеймо, настоящее свидетельство уродства нашего общества. Они ничем не лучше мутаций, они проникают вглубь и искажают наш облик». В каком-то смысле они правы. В каком-то.

— Меня зовут Селин.

Капюшон спал и свет наконец то добирался до неё, в бессилии проступили черты. Гладкие линии и такая светлая кожа, словно вымоченная в молоке. Она подняла глаза. Ему на мгновение показалось, он угадал какие-то расплывчатые образы. Они завертелись перед ним, как в метели. У неё белоснежные волосы, собранные неаккуратно резинкой. На голубой, едва отдающей лиловым радужке свежая корка ноябрьского льда, а на белёсых ресницах изморозь. Рамон даже почувствовал, что она слегка дрожит, словно от собственного холода, что носила с собой в одном из больших карманов толстовки. Где-то между смятыми купюрами и малиновыми леденцами, которыми пахла.

— Срать я хотел, как тебя зовут, — Трой знал, что лёд тонок, он говорил отрывисто и грубо, и голос его звучал скорее грудным рычанием. — Что тебе известно о «Перегее»?

Она недоумевающе моргнула: того и гляди с ресниц посыплется снег. Повела плечами.

— Это... кажется, какое-то место... где-то в третьей зоне.

Притворялась дурочкой? Трой спрашивал себя, зачем они послали ему девчонку. Что она со своими тонкими запястьями могла ему сделать?

— Передай своим друзьям сверху, девочка, что если ещё хоть кто-то появится, я могу потерять терпение.

Блефовал так беззастенчиво, что даже самому стало не по себе. Если б он мог, он давно бы использовал информацию, которой обладает.

— У меня нет никаких «друзей сверху», — кое-как справившись с невротическими похрипываниями в голосе, произнесла она.

— Кончай с этой хренью. Личико тебя выдаёт.

Слишком симметричное. Она сошла бы на монетный сюжет — орёл или решка, чистая случайность с её лицом. Девчонка нахмурила брови, а он вдруг заметил, что они тоже совсем светлые. Она словно с рекламного плаката одной из клиник Мёрфи — «Измени свою жизнь уже сегодня!» — только плакат выцвел на солнце. Или «Маленькая принцесса» из детской раскраски — одни только контуры, никакого цвета.

— Слушайте, мистер Рамон, — наконец выдохнула она в тяжёлый наэлектризованный воздух между ними. — Я не напрашиваюсь к вам в друзья, но я знаю, что вы можете помочь мне найти нужного человека. Очень, *очень* важного человека.

— Почему я?

— Скажем так, мне вас посоветовал друг.

— Кто?

У него были задатки охотничьего пса. У неё было внешнее спокойствие дрейфующего айсберга. Селин опустила руку, потянулась к карману. Её движение тут же срезонировало в и без того натянутых нервах Рамона. Револьвер упёрся сильнее — безмолвное предупреждение. Но она молча и медленно достала из кармана конверт.

— Это половина. Другую получите, когда мы закончим.

Трой упёрся немигающим взглядом в упаковку, уже зная что там. Это классика, такая, что едва не начинает дёргаться глаз. «Половина сейчас, половина потом». Он знал эти слова, но для него они звучали детским плачем и хрустом перемолотых мягких костей. Ему помешало, что запахло кровью и машинной смазкой. Свободной рукой открывая конверт, он мысленно пересчитал сумму. «Нет друзей сверху», ага, как же», — пронеслось в голове.

— С чего вы взяли, что меня это заинтересует? — Спросил небрежно, но пистолет всё же опустил.

Она в ответ еле заметно улыбнулась. Пропавшему чувству тяжести у живота, но гораздо больше этому проскользнувшему «вы», в его голосе. Хотя она и ниже, всё же они теперь стояли вровень. Девушка обвела глазами комнату, цепляясь взглядом за обшарпанную мебель и застревая в трещинах на стене. Сделала несколько осторожных шагов вслед за ним вглубь комнаты. За ней следом осталась цепочка мокрых следов на деревянном полу.

— Ну, даже не знаю... — Недвусмысленно пожала плечами Селин и остановила взгляд на глянцево-лице со старого плаката восемнадцатилетней давности, призывающего голосовать за Первого Сенатора в третий раз. — Поддерживаете Спенсера Селлера?

— Прикрываю секретный ход.

Она издала смешок, но не от слов, а от того, как сильно они не шли лицу Троя. Никаких полутонов, одни контрасты. Полосатый просиженный диван пропахший пеплом, старостью и неуклюже перегораживающий часть комнаты, словно выползший на сушу толстый зверь. У стыка стены и потолка — смачное жёлтое пятно от протекающей крыши. Трой наблюдал неотрывно за тем, как она села на край дивана. Пожалуй, и вправду может быть не с верхушки горы. Такие бы побрезговали.

— Как вы меня нашли?

— А это важно?

Она пыталась выглядеть внушительной, уверенной. Трой представил, как она репетировала эту встречу перед зеркалом. Взглянул на неё сверху вниз.

— Я ещё не согласился. И если хотите, чтоб я это сделал — хватит пудрить мне мозги.

Мимоходом заглянул в барабан проверить шансы, когда положил оружие на стол в зоне досягаемости. Он почти полностью загораживал ей единственный источник света в комнате — лампочку под потолком. В таких условиях она больше была похожа на отдалённый отпечаток, чем на живого человека. Сливалась со стеной, как радиоактивная тень.

— В паре часов езды отсюда на северо-востоке есть приют. Какое-то время назад из него пропал ребёнок.

Включили фонари. До заката не успело растянуть облака, теперь только электрические лучи резали темноту косыми линиями. Она облизнула губы, глядя в щель между досками пола. Там копошился жук. В темноте и пыли, озабоченный только своим узким безмолвным мирком, меньше спичечного коробка. Только выживанием.

— Ну, так обратитесь в полицию. Я не ищейка.

Она подняла глаза и увидела, что лицо у Рамона почти не двигалось. У него до локтей были подняты рукава неглаженной рубашки, и в таком свете руки были словно как у бронзовой статуи. Селин поймала себя на мысли, что он куда старше, чем она думала. Кажется, старше сорока. Пропасть между ними без конца и края, без дна. Она набрала воздуха, будто собиралась в неё сигануть и произнесла:

— Но вы — обменщик.

За миг его невидящий усталый взгляд сфокусировался на её лице. Невольно дёрнулась рука. Секундное действие. Трой одёрнул себя, отвернулся.

— Это вам тоже сказал ваш советчик? — Складка между бровей скомпрометировала его внешнее спокойствие.

— Нет. Я слышала о вас. Вы своего рода знаменитость.

Где-то в глубине грудной клетки у него что-то задушено захрипело. Тот, другой, чья тень всё ещё стояла у него за спиной. Смотрела на него по утрам из глубины базальтовых зрачков в зеркале. *«Тебя нет, ты умер той ночью»*, говорил он ему. *«У кого из нас больше прав на жизнь?»*, слышался ответ. Это не выскребешь саморазрушением, не смоешь святой водой и даже сотни операций у Мёрфи ему не помогли бы. Всё, что он смог — сложил воспоминания и чувства в коробку и запечатал липкой лентой. И у этой девчонки не было никакого права доставать коробку, а уж тем более распечатывать.

— Я этим больше не занимаюсь, — он молчал достаточно долго, чтобы собрать крупинцы твёрдости. Они скрипят у него на зубах, как строительная пыль.

— Даже если так, у вас остались друзья, — отзывалась она, потом хмыкнула будто между прочим, в пол тона, явно не успев прикусить язык: — Если, конечно, они вообще могут у вас быть.

Под мешковатой толстовкой у Селин собирался горячий воздух, даже спина вспотела. Она вдруг подумала, что он вправду может взять пистолет и спустить курок, или дотянуться и свернуть ей шею, или кубарем спустить её по лестнице. И самое ужасное — это не переломанные кости, не пролетающий сквозь дырку в её голове ветер и не пятна крови на её белоснежном лице. Самое ужасное, что некому будет плакать по ней.

— У меня есть идентификационный номер ребёнка, — продолжила Селин почти сразу, словно стыдливо затирая оставленный язвительный след. — И я подозреваю, в этом замешаны какие-то крайне... *прекрасные* родители.

Она не знала, где у него проходила граница нормальности. Она вообще ничего о нём не знала, кроме нескольких слов на чёрной бумаге, полученной несколько недель назад: «Найди обменщика. Имя — Трой Рамон». Зато знала, что обменщики не имеют жалости. Жалость в их случае выглядит рудиментом. Атрофировалась за ненадобностью. Невыгодно для бизнеса.

— С чего вы взяли, что это родители?

— Я думаю, они озабочены конфиденциальностью. И могли позаботиться, чтобы ребёнка *никто* не нашёл.

— В таком случае, в вашей просьбе нет смысла.

Он поднялся и подошёл, так что полоса уличного света между ними почти схлопнулась. Когда она задрала голову, Трой впервые за всё время получил отчётливый прямой взгляд. Она блуждала взглядом по его чертам, спотыкалась о тонкие зелёные обручи вокруг расширенных зрачков, искала хотя бы крошечный отпечаток согласия, сочувствия на непроницаемом лице.

— Если есть хоть малейший шанс, что ещё можно помочь, нельзя его упускать. Вы так не считаете?

Её слова дребезжали у него в голове отдалённым шумом, отзывающимся детским плачем. Сначала они звенели тонкой нейлоновой струной на не настроенном инструменте, но струна расширялась, пока не разрослась до сплошного белого полотнища. Безжизненного, вымороженного до состояния холодильной камеры: такой, в какую попадают трупы.

— Я считаю, вам не надо было приходить сюда, — адамово яблоко в горле ощущалось, как кусок острого льда, когда он перемолол сквозь зубы эти слова. — Тем более, приносить деньги.

Местный контингент был куда более красочный чем те, откуда (он уверен почти на сто процентов) она пришла. И отмороженных ублюдков здесь водилось ничуть не меньше, чем божьих одуванчиков. К тому же, чужаки вызывали беспокойство. А чужаки с *такими* милицами тем более.

— Так вы поможете мне?

В её голосе сквозила надежда. Трой отвернулся, чтобы взять куртку. И вовсе не потому, что ему от этого сквозняка было холодно.

— Да. Провожу вас до метро.

Реальность ударила её в лопатки с глухим звуком. Он услышал, как она выдохнула: придушено, словно в подушку. На ходу перехватила разочарованный всхлип и запихнула его обратно в глотку, как эндоскопическую трубку. Трой это показалось дурацким: девчонка пыталась не потерять лицо, хотя губы у неё открывались и закрывались, словно у выброшенной на берег рыбы. Она боялась показать, насколько сильно её оглушил его ответ.

Они вышли на лестницу, Рамон запер дверь. Селин глядела только под ноги. В коридоре воздух будто порционный, приходилось пропихивать его в себя силой. Она обогнала Троя на лестнице, чтобы первой вырваться наконец на улицу.

Он привык к такому распорядку дыхания. Он пропитан этим воздухом насквозь. Уличный же обдал сыростью. Запах мясных отходов от стоящей неподалёку скотобойни и сырой земли после дождя пришёл с опозданием. Селин шла чуть впереди, иногда всё же оглядываясь: больше по сторонам, чем на него. Её «Если есть хоть малейший шанс помочь» билось у него груди. Там, под очерстевшей и огрубевшей кожей, под шрамами и под застывшими породами костей оно отбивалось сигнальным трёхкратным «Мэйдей».

Но шансы — это ведь не его. У него был шанс сделать всё, как *лучше*, а он сделал, как *положено*.

— Какое вам дело до этого ребёнка? — Впервые в открытый воздух, не в потолок комнаты произнёс он.

— Я забочусь о нём.

— Вы не думали, что родители просто забрали его обратно?

Она не повернула головы. На мгновение задержалась у коробки на лестнице к чьему-то крыльцу. Веснушчатый парнишка раздавал щенков. Трой взглянул на него мельком: у мальчишки футболка с ракетой. Всё, что остаётся с его крупными чертами лица, веснушками и носом-картошкой — мечтать о звёздах, сидя в непроглядных трениях. Селин же смотрела на щенка на дне коробки: он совсем белый, похожий больше на крысу-альбиноса, чем на собаку.

— Ещё скажите, что они случайно отправили его в приют, — слегка вымученной язвительной усмешкой, отозвалась она, на прощание поглаживая щенка.

— Не надо недооценивать случайности.

Трой заметил её сочувствующую улыбку, предназначенную не ему, хотя большую часть лица снова скрыл капюшон. В таком виде она была похожа щуплого монаха-пилигрима.

Метро впереди светилось с переборами и неон указателя расплывался в луже. Дошли они, молча каждый в себя. Наконец, Селин повернулась и подняла голову. Её лицу совсем не шёл отблеск пошлого неоновых света, как не идёт он античной мраморной статуе.

— Мистер Рамон, — он ждал, что она попросит его подумать ещё раз над предложением и успел мысленно сгруппироваться для ответа, но Селин вдруг произнесла: — У вас есть дети?

Ощущение, словно под ногами сработала яма-ловушка. Колья пробили лёгкие, когда он упал на эти простые слова. *Избавься уже от девчонки. Ты ей ничего не должен.*

— Какая разница?

— Вам будет легче представить, какого это. Не иметь возможности увидеть тех, кто тебе дорог.

Чёрные тоннели её зрачков словно высасывали весь свет. Слишком уж были похожи на тоннель, который он уже видел сегодня.

— У меня нет детей, — выдохнул он в потеплевший воздух. — Никогда не было.

Селин поджала губы, и не взглянув больше на него, скрылась за дверью. Створка какое-то время ещё махала туда-сюда, обдала его прелым запахом подземки. Он знал, что если шагнёт за эту прозрачную перегородку, ничего не будет, как прежде.

— Эй!

Ровно двенадцатая ступень вниз: она считала. Замерла. Дюжина — определённо та граница, где стоит остановиться. Обернувшись, она заметила фигуру наверху. Трой был похож на грифельный набросок на подсвеченном фоне стеклянных дверей. Он вскинул руку и швырнул ей забытый конверт без предупреждения. Она чудом его поймала, отступая на одну ступеньку ниже. Селин это совсем не понравилось, она всегда перепрыгивала тринадцатую ступеньку. Но она всё же сдавленно улыбнулась, прежде, чем отвернуться — и пусть вышло как-то совсем не радостно.

Голос догнал ещё через две ступени и упёрся почти в затылок.

— Я помогу вам.

Селин резко обернулась, утыкаясь удивлённым взглядом в его рубашку. Трой на пять ступеней выше. И он действительно ничего не должен ей.

— Правда? — Спросила она, словно боясь быть обманутой.

Трой ощутил отчётливо, как бегал по его лицу лихорадочный взгляд, отыскивая дьявола в деталях, приписки мелким шрифтом и звёздочки над словами. Но у него никогда не было этой шелухи, он не умел изворачиваться. В уголках зелёных глаз, в обросшем лице и неаккуратных тёмных прядях не пряталось никакого подвоха. И Селин выдала каким-то облегчённым выдохом:

— Я вам так благодарна! — И протянула ему конверт обратно.

— Это не ради вас, — покачал головой Рамон.

Но девочка улыбнулась, словно получившая рождественский подарок. Он спустился. Шаг, ещё и ещё — остановился на той же ступеньке. Потом ступил ещё ступень вниз, так что теперь их глаза были на одном уровне.

— Всё равно спасибо.

Он только вынул маленькую записную книжку.

— Оставьте мне номер ребёнка.

Селин моргнула и сконфуженно закусила губу. Трой подумал, что в таком виде она похожа на лупоглазую крольчиху.

— Номер? Но я думала, мы пойдём вместе.

— Нет, — отрезал Трой таким тоном, чтоб у неё не возникло желания пререкаться. — Придётся за информацией послезавтра.

По одним только неуверенным движениям он понял, что она недовольна, но спорить не решилась. Трой спрятал книжку во внутренний карман и уже наверху лестницы, перед тем, как выйти, услышал тихое, почти детское «Есть!» за спиной.

Инт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.